

они организовали и возглавили изд-во «Тропинка», в котором начал выходить одноименный детский ж. (1906–12). Главную задачу издатели видели в том, чтобы дать детям высокохудожественные произведения. В «Тропинке» впервые детская лит-ра была поднята на уровень лит-ры «большой». Ж. выходил 2 раза в месяц, содержал оригинальные произведения самих издательниц и привлеченных ими лучших русских литераторов, среди которых — А. Блок, Ф. Сологуб, А. Белый, К. Бальмонт, З. Венгерова, Вяч. Иванов, А. Куприн, Д. Мережковский, К. Чуковский, Саша Черный, А. Ремизов, З. Гиппиус, М. Сабашникова, Л. Зиновьева-Аннибал и др. «Тропинку» иллюстрировали И. Билибин, М. Нестеров, Е. Кругликова. Ж. стал одним из самых популярных периодических изд. для детей. «Тропинка» прививала культуру чтения и расширяла горизонт юного читателя. В ж. печатались статьи о русских и зарубежных писателях, ученых, исторических деятелях. Публиковались в переводе новые рассказы Киплинга, Франса, Лондона.

Кроме писательской работы, М. была погружена в общественную жизнь. Вместе с Н. Н. Стасовой, А. Н. Энгельгардт и А. П. Филосовой участвовала в создании Русского женского общества.

В 1911 вышла повесть М. **«Цербстская принцесса»**, увлекательно рассказывавшая о детстве и юности Екатерины II, урожденной принцессы Цербстской (2-е изд. СПб., 1912). Следом появилась книжка **«Марфинькины святки»** (СПб., 1913), историческая повесть **«Царевны»** (Пг., 1915), посвященная сестрам и дочерям царя Алексея Михайловича. О замечательных русских людях, оставивших глубокий след в истории и культуре, таких как святой Димитрий Ростовский, Ломоносов и др., дети могли многое узнать из сб. М. и П. Соловьевой **«Родные заветы»** (М., 1914). Радовала маленьких читателей изящно оформленная книжка легенд о цветах **«Васильки»** (М., 1915, также в соавторстве с Соловьевой).

Увлекательные, искренние книжки рассказов М. раскупались мгновенно. Проникновенный образный слог письма, мягкий юмор удачно сочетались с картинками, рисованными лучшими графиками — Б. Кустодиевым, Г. Нарбутом, Т. Гиппиус. М. обладала поэтическим и любознательным взглядом на жизнь, свойственным и самим детям. Прирожденная рассказчица, она знала, что душа ребенка ищет доброго отношения. Светлый взгляд на мир, яркость описаний, сочный, живой язык сочетаются с ритмикой сказочного

или былинного повествования: «Царевна яблочка, изюм, грецкие орехи, ягоды винные — все кучечками раскладывает... Сенные девушки ручки сложили, вдоль стенки рядком стали. Скромницами стоят. Губы поджали, глазки опустили, а они из-под ресниц, как мыши, так по столу и бегают, так и бегают, все сладкой снеди подсчет ведут, сколько кому достанется... в уме прикидывают» (**«Цветоносный день»**, 1913).

Летом М. отдыхала в Коктебеле, где имела собственный дом рядом с помещением М. Волошина, дружба с которым продолжалась много лет. Революционные годы писательница провела там же, претерпев крайнюю бедность, голод и притеснения большевиков. Благодаря хлопотам В. Вересаева получила помощь от Толстовского фонда. После кончины П. Соловьевой (1924) М. переехала в Ленинград, где продолжила активную творческую деятельность. За короткий срок ею было опубликовано около двух десятков детских книг: **«Дети и детеныши»** (Л., 1925; М., 1928); **«Как чулочки бегали»** (М., 1926), **«Катино дело»** (М., 1928), **«Медведь-грамотей»** (М., 1928), **«Курнушка пропала»** (М., 1928), **«Лягушка. Рассказ для детей»** (М., 1928) и др.

Долгое время творчество М. отторгалась от читателей и ее имя пребывало в неизвестности. Лишь в 1993 ж. «Лит. учеба» (№ 5), опубликовав ее рассказ «Марфинькины святки», положил начало возвращению наследия М. читателям. Автобиография М. заканчивается словами: «У каждого на дороге к вечности своя тропинка, и счастлив человек, который вовремя найдет ее» (**Автобиография**. РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2315).

Соч.: Цербстская принцесса: Повесть о детстве и юности Екатерины II. М., 1994; Царевны. М., 1995; Тайная милостьня // Купель. 2001. № 2(15); Цветоносный день // Купель. 2004. № 2(24).

Лит.: Погребницкая И. М. Курнышкин сочельник. Несостоявшаяся книжка с иллюстрациями Михаила Латри // Крымский альбом. Феодосия, 2002. С. 164–167; Лосев Д. Библиографический комментарий // Крымский альбом. Феодосия, 2002. 167–168; Стрижев А. Добрые книжки Натальи Манасеиной // Купель. 2004. № 2(24). С. 13–14.

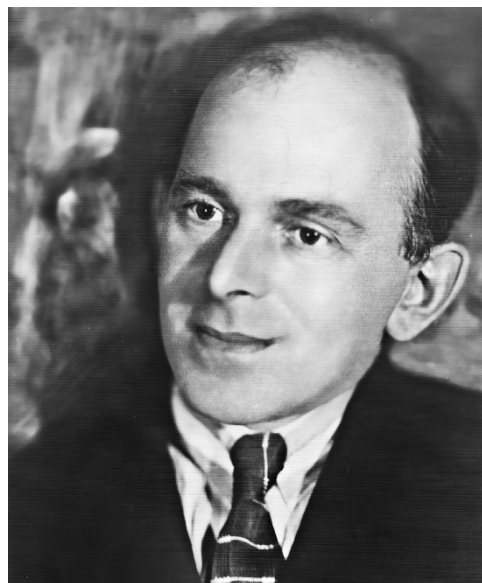
А. Н. Стрижев, А. М. Любомудров

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич [3(15).1. 1891, Варшава — 27.12.1938, пересыльный лагерь «Вторая речка» под Владивостоком] — поэт, критик, эссеист, переводчик.

Отец М., торговец кожами, в юности учившийся в талмудической школе, купцом 1-й гильдии поселился с семьей в Петербурге в 1897 (с 1894 — в Павловске). Мать М., музыкантша, родственница известного историка русской лит-ры С. А. Венгерова. М. окончил Тенишевское коммерческое училище (1907). 1907–10 провел в Европе: в Париже посещал лекции на словесном ф-те Сорбонны, 2 семестра проучился в Гейдельбергском ун-те, жил в Швейцарии, совершил поездку в Италию. Вернувшись в Петербург, поступил на отделение романских яз. историко-филол. ф-та Петербургского ун-та (1911), но не окончил его.

Первые поэтические опыты — 2 стих. в традициях народнической лирики — были опубликованы в студенческом ж. «Пробужденная мысль» (1907. № 1). Напряженные духовные поиски М. проявились, по его собственным словам, в «метаниях» от «платонических» религиозных устремлений к «детскому увлечению марксистской догмой», через «очистительный огонь Ибсена» к Л. Н. Толстому, Г. Гауптману, К. Гамсуну (см. письмо М. к Вл. В. Гиппиусу от 14 апр. 1908 // Камень. Л., 1990. С. 203–205). 1907–08 отмечены «поворотом к модернизму»: М. переживает увлечение «музыкой жизни» Ш. Бодлера и П. Верлена, интуитивистской философией А. Бергсона. Со своими произведениями этого периода М. осмеливается познакомить Вяч. И. Иванова, которому отправляет письма с «символистскими» стихами (см.: Камень. С. 206–210). В Петербурге М. — посетитель ивановских «сред», где выступает с чтением своих стихов, сочувственно встреченных символистами, одновременно знакомится с Н. С. Гумилевым и будущими членами «молодой редакции» ж. «Аполлон». На его страницах появилась первая подборка во многом антисимволистских стих. М. (1910. № 9). «Эфирным лирам» здесь противопоставлены «целомудренные чары», «высокий лад, глубокий мир», пророческому пафосу и экстазу — подлинная «печаль» и стыдливость «в присутствии таинственных высот».

Сб. «Камень» (1913), вышедший под маркой изд-ва «Акме», представил читателю М.-акмеиста. «Акмеистичным» было уже само название (данное, правда, Гумилевым), указывающее на «тяжесть» и даже «грубость» материала, из которого художник творит красоту и гармонию. Оно было внутренне полемично по отношению к символистской поэтической концепции. Как заметил С. М. Городецкий, откликнувшийся на книжку молодого поэта, у М. «„тяжелые“ слова

О. Э. Мандельштам

<...> гордятся своим весом и для соединений своих требуют строгих законов, подобно камням, соединяющимся в здание» (Гиперборей. 1913. № 6. С. 27). И далее в подтверждение мысли о том, что М. «учился писать не у Верлена и Блока, а у строителей Notre Dame», цитировал строки из программного стих. сб.: «Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, / Я изучал твои чудовищные ребра, — / Тем чаще думал я: из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам» («Notre Dame»). Принцип строгой выверенности формы и сознательного творческого усилия декларируется М. и в др. стихах архитектурной тематики («Адмиралтейство», «Айя-София»), а также в статье-манифесте «Утро акмеизма» (1913; впервые опубл. 1919), где утверждение акмеизма как «духа строительства» сочетается с пониманием поэтического образа как сложного «организма» и делается упор на внутренний смысл, заключенный в слове. Н. Гумилев заметил, что М. «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 175). Мир увиден М. в «красках жизни небогатой» («Но я люблю на дюнах казино, / Широкий вид в туманное окно / И тонкий луч на скатерти измятой...»); «В спокойных пригородах снег / Сгребают дворники лопатами; / Я с мужиками бородатыми / Иду, прохожий человек»), и он смело следует по пути «обмирщения» символистской лексики. Создан-

ные им «жанровые» стихи-картины («**Старик**», «**Домби и сын**», «**Аббат**», «**Лютеранин**», «**Кинематограф**», «**Теннис**») свидетельствуют о любви М. к изобразительной детали, чувственной пластичности образа и умелом владении приемом гротеска, элементы которого возникают на пересечении разных планов — бытового и культурно-исторического. Однако акмеистический тезис восторженного «приятия мира» сочетается у М. с ощущением исторического времени как времени катастрофического, появляется пугающий образ бездны («Душа висит над бездною крылатой», «И музыка от бездны не спасет!»). Творческое сознание предстает как вместилище исторической памяти, оно выступает антиподом «беспамятной» действительности. Худож. образы — «вспышки сознания» — возникают «мгновенно» в результате как бы «случайных» ассоциаций.

М. стремится сделать далекие эпохи достоянием собственного творчества, сближая разновременные пласты. Греция Гомера и императорский Рим, средневековая католическая Европа, Англия Диккенса, французский театр классицизма — как в калейдоскопе, сменяются времена, эпохи, стили, ставшие для М. не материалом для стилизаций (характерно, что мн. исторические реалии у М. неточны), а теми «мгновениями» в истории культуры, которые «рифмуются» с современностью. Об этом писал сам М. в статье «**О природе слова**» (1922): «...ветер перевернул страницы классиков... и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи» (Соч. Т. 2. С. 186). В многомерном пространстве худож. текста одно слово «проступает» сквозь другое («И снова скальд чужую песню сложит / И как свою ее произнесет...»), играя своими «спрятанными» смыслами. И эта сложная и уточненная «игра» нужна М. для того, чтобы следить «за шумом и прорастанием времени».

Сб. «Камень» в расширенном виде был переиздан в дек. 1915 (на титульном листе — Пг., 1916). Диапазон многочисленных критических откликов был достаточно широк: от неприятия «книжности», «ложно-классического пафоса» стихов М. (А. Дейч, Д. Выгодский), «слабости, случайности, неорганичности» его настроений (Н. Лернер) до оценки книги «значительного и интересного поэта» как «увлекательной повести развивающегося духа» (Н. Гумилев) и признания «гибкости и мощности» богатого оттенками поэтического голоса М. (М. Волошин).

Стихи периода войны и революции (1916–20) составили новую книгу М. «**Tristia**» (Пг.;

Берлин, 1922, без участия автора; под названием «**Вторая книга**» и с авторским хронологическим расположением стихов — М.; Пг., 1923), названную так М. А. Кузминым с аллюзией на «Печальные элегии» римского поэта Публия Овидия Назона. Изменяется тональность жанра составляющих книгу произведений: высокоторжественную оду миру и созидательному творчеству сменяет раздумчивая скорбная элегия-плач расставания с уходящим в небытие любимым и привычным миром. «„Tristia“ — прямая антитеза „Камню“. <...> В „Камне“ воспевались встречи, в „Tristia“ — одни разлуки. <...> „Камень“ исследовал мир на поверхности, великие человеческие создания, восполняющие пустоту горизонта или неба; „Tristia“ — спуск в inferнальный мир роковых страстей, ведущих к смерти, в мир разрушительной революции, в мир воспоминаний, предостерегаемого забвением, невоплощающегося стихотворения, нерождающегося слова» (Струве Н.— С. 155). Благодаря обращению к мифу и мифопоэтической традиции М. удается вести поэтический разговор в универсальном плане. Сценой поэтической репрезентации нередко становится пышный и торжественный Петербург эпохи «заката» империи; город предстает как царство смерти («В Петрополе прозрачном мы умрем, / Где властвует над нами Прозерпина. / Мы в каждом часе смертный воздух пьем. / И каждый час нам смертная година»). Миф нужен М. и для расширения горизонта историософских обобщений, где сложно переплетаются духовная судьба поэта и вся история России («**Кассандре**», «**На розвальнях, уложенных соломой...**» и др.). Тема «конца истории», данная через образ идущего ко дну корабля времени («**Сумерки свободы**»), сплетается с метафизической темой посмертной памяти («Но будем помнить и в летейской стуже, / Что десяти небес нам стоила земля»).

В области поэтики сб. «Tristia» отмечен усилением ассоциативных ходов, усилением иррационализации словесного образа (мотив «блаженного, бессмысленного слова» вплоть до признания: «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»). Творчество М. периода «Tristia» — отражение более сложного отношения к поэтическому слову. Благодаря скрытой в нем «энергетике» сами «вещи» становятся носителями определенных культурных контекстов. В «крымских стихах» М. («**Золотистого меда струя из бутылки текста...**», «**На каменных отрогах Пизарии...**», «**Возьми на радость из моих ладоней...**», «**За то, что я руки твои не сумел удержать...**» и др.) бытовая пред-

метность вызывает в сознании образы греческой мифологии, к тому же пропущенные сквозь призму лит. традиции. Античность, вводимая таким образом, предстает как модель бытия и как тот культурный код, который необходим для понимания смысла произведения. По словам Л. Я. Гинзбург, М. в «Тристия» стремится создать «некий эллинистический „диалект“ в поэзии» (Гинзбург Л. Поэтика Осипа Мандельштама // Известия АН СССР. М., 1972. Т. XXXI. Вып. 4. С. 310. Сер. лит. и яз.). Параллельно М. разрабатывает концепцию «домашнего эллинизма» как бытийственного начала в русской культуре. В статье «О природе слова» он подробно обосновывает свой взгляд на «эллинистическую природу русского языка»: «Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком, это — домашняя утварь, посуда, все окружение тела; эллинизм — это тепло очага, ощущаемое как священное, всякая собственность, приобщающая часть внешнего мира к человеку... Эллинизм — это <...> очеловечение окружающего мира» (Соч. Т. 2. С. 181–182). Сохранить в поэтическом образе чувственное тепло вещи, его душу — Психею — вот к чему стремится М. Для этого он воскрешает скрытые в слове архаические смыслы, создает новые ассоциативные ряды, расширяя тем самым смысловой диапазон слова.

Цикл «1921–1925» не стал отдельной книгой; он составил раздел (наряду с разделами «Камень» и «Тристия» в последнем прижизненном сб. М. «Стихотворения» (1928). Увлеченность культурной «археологией» уступает место теме текущего бытия; становятся узнаваемыми биографические реалии. Лирическое «я» неотделимо от конкретной личности автора. Но приметы быта и жизненная проза не препятствуют философско-поэтическим обобщениям и свойственному М. пафосу трагического предчувствия. Центральное место в цикле занимает «Грифельная ода», иллюстрирующая новую манеру М. В ней разрушительному действию времени противопоставлено не подвластное ему истинное искусство. Высокий одический строй речи сочетается с усложненной метафоричностью, как бы демонстрируя творческое усилие, преодолевающее гнет времени, истории, языка. Безудержный полет метафор отличает и историософские стихи «Век», «1 января 1924», представляющие собой своеобразную «исповедь сына века», где доминируют экзистенциальные переживания «сдвига» исторических координат и собственного «умиранья» вместе с «веком».

В 1920-е М. обращается к мемуарно-автобиографической прозе («Шум времени» и «Египетская марка», 1925 и 1928), пишет очерки, переводит, выпускает сб. статей «О поэзии» (1928). В 1930 после поездки в Армению создает «путевой очерк» «Путешествие в Армению» (Звезда. 1933. № 5) и стихотворный цикл «Армения». В стихах начала 1930-х усиливается значение темы ретроспективной памяти («наука расставанья») («С миром державным я был лишь ребячески связан...»), скудеющего культурного пространства, собственной обреченности и предощущения грядущих катастроф: «Колют ресницы. В груди прикипела слеза. / Чую без страху, что будет и будет гроза. / Кто-то чудной меня что-то торопит забыть. / Душно — и все-таки до смерти хочется жить».

В мае 1934 за эпиграмму против Сталина («Мы живем, под собою не чуя страны...») М. был арестован и сослан сначала в Чердынь-на-Каме, а затем в Воронеж. В 1935 после годового молчания поэт возвращается к стихам. В вынужденном диалоге с властью сила все-таки оказывается на стороне творческой личности, ибо поэзия спасительна и неистребима: «Лишив меня морей, разбега и разлета / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы? Блестящего расчета: / Губ шевелящихся отнять вы не могли». Три «Воронежских тетради» стихов первоклассной пробы (опубл. 1966) — духовная исповедь поэта и его приговор «немецкому времени». Тема притяжения жизни земли — основы и опоры бытия — в полную силу зазвучала в стихах воронежского периода («Чернозем», «Я к губам подношу эту зелень...»). «Земля — последнее оружие» — давала поэту силы, веру в жизнь и творчество тогда, когда жизнь его близилась к трагическому исходу. По возвращении из ссылки в 1938 М. был вторично арестован и отправлен на Дальний Восток, где погиб в пересыльном лагере. Поэтическое наследие М. было сохранено его вдовой Н. Я. Мандельштам, распространялось в списках, затем отдельные подборки стали появляться в периодических изд. Впервые СС поэта было издано в 1964 в США.

Соч.: Соч.: в 2 т. / подгот. текста и комм. А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера; вступ. статья С. С. Аверинцева. М., 1990; Камень / подгот. текста Л. Я. Гинзбург, А. Г. Меца, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина. Л., 1990. (Лит. памятники); Полное собр. стихотворений / вступ. статья М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца; сост., подг. текста и прим. А. Г. Меца. СПб., 1997. (Новая 6-ка поэта).

Лит.: Волошин М. А. Голоса поэтов [1917] // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988; Тынянов Ю. Н.

Промежуток [1924] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История. Литература. Кино. М., 1977; Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982; Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986; Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989; Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990; Жизнь и творчество Мандельштама. Воронеж, 1990; Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991; Лит. обозрение. 1991. № 1. [вып. посвящен Мандельштаму]; Струве Н. Осип Мандельштам. 1-е изд. Лондон, 1988; Томск, 1992; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...»: Хроника последнего года жизни Мандельштама // Минувшее: Исторический альм. М., 1992. Вып. 8; Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX в. СПб., 1995; Мандельштам и античность: сб. статей. М., 1995; Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.

Н. Ю. Грыкалова

МАНДЕЛЬШТАМ Юрий Владимирович [25.9(8.10).1908, Москва — 18.10.1943, немецкий концлагерь в Яворжно, Польша] — поэт, критик.

Родился в состоятельной еврейской семье, в 1920 вместе с родителями эмигрировал из России. Окончил в Париже русскую гимназию (1925) и филол. ф-т Сорбонны (1929). В 1935, женившись на дочери И. Ф. Стравинского Людмиле (1908–38), принял православие. Поэтический дебют М. состоялся в 1-м «Сб. стихов» парижского Союза молодых поэтов и писателей (1929). М. входил в лит. группу «Перекресток», посещал «воскресенья» Мережковских, заседания «Зеленой лампы». В 1930-е сотрудничал в «Совр. записках», «Числах», «Встречах», «Русских записках», в альм. «Круг», в газ. «Возрождение», в «La revue de France» (где публиковал статьи о русских писателях) и ряде др. изд.

Первой книгой стихов «**Остров**» (Париж, 1930) М. заявил о себе как о поэте акмеистической традиции, ориентирующемся также на французскую парнасскую школу (ср. его строки из стих. «**По рубрикам, под нумерами...**»: «В мучительном Леконт-де-Лиле / Душа, запутавшись, живет. <...> Парнасской строгостью болеет / Уже приявшая печаль»). В книге были отмечены «подлинная лиричность, настоящее поэтическое дыхание» (Струве Г. П. // Россия и славянство. 1930. 2 авг.), а также и недостаток стихов М., заключающийся в «слишком еще „обыкновенных“ ощущениях»: «Они могут уже нравиться, но не могут еще заинтересовать, тем более — взволновать. Они, как хорошо исполненные этюды» (Л. Кельберин > // Числа. Париж. 1930. Кн. 2–3. С. 254). О зависимости от лит. образцов и недостаточной определенности собственного лица (при безус-

ловном овладении внешними навыками мастерства) свидетельствовала и вторая книга стихов М. «**Верность**» (Париж, 1932). Констатируя, что поэтика М. «светится отраженным светом, живет не своими, но лишь усвоенными приемами», В. Ф. Ходасевич заключал, что автор «Верности» в этом отношении является характерным представителем «молодого эмигрантского стихотворства»: «...по стилю своих писаний он сливается со многими сверстниками. Как они, за глубокой новизной он не гонится. Его поэтика недействительна, как ихняя. Живя опытом предшественников (преимущественно недавних), она застрахована от больших неудач, но и счастливых открытий в ней тоже нет». Тем не менее Ходасевич находил, что М. «формально богаче, разностороннее многих сверстников» и отмечен «истинно поэтическим душевным складом», что в его стихе «чувствуется воля к непринужденности, к широте письма» (Возрождение. 1932. № 2459. 25 февр. С. 4).

Третья книга стихов М. «**Третий час**» (Берлин, 1935) и в особенности четвертая, готовившаяся им самим, но изданная посмертно, — «**Годы. Стихи 1937–1941**» (Париж, 1950) — отмечены большей поэтической зрелостью. Сохраняя прежнюю акмеистическую и неоклассическую ориентацию, М. в своих стихах все более тяготеет к трагической исповеди. Его лирика вбирает звучания «парижской ноты» — тематико-стилевой тенденции в эмигрантской поэзии 1930-х, отмеченной стремлением к искренности и простоте, к отказу от внешних «лит.» эффектов, к передаче острого драматизма индивидуальной человеческой судьбы. Переживания тягот эмигрантской жизни, чувство одиночества и обреченности сочетаются с предощущением надвигающейся общей беды: «Любови и вдохновенья больше нет. / Остались только: пристальность и честность. / И вот — смотрю со страхом в неизвестность / И вижу тьму (а раньше думал — свет)» («Третий час». С. 16). Ю. П. Иваск дал итоговую оценку поэзии М. в рецензии на «Годы»: «Это умный, умелый поэт. Своей настоящей темой ему не удалось найти. Но некоторые его стихи останутся в русской поэзии <...>. Кроме настоящей культуры в нем было много чистоты, душевного здоровья и мужества» (Новый ж. 1951. № 25. С. 302).

В 1930-е М. интенсивно выступал как лит. критик, написал множество статей и рецензий о новинках эмигрантской лит-ры и о новейших западных писателях, после смерти Ходасевича (1939) вел критический отдел в газ. «Возрождение» (ранее публиковал там